Археологические вести

— 29 —

Archaeological news

29
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

29
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители выпуска:

М. Ю. Вахтина, В. А. Горончаровский, Н. А. Павличенко

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 29** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 392 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В этот выпуск «Археологических вестей», приуроченный к 70-летию ведущего научного сотрудника ИИМК РАН, доктора исторических наук Юрия Алексеевича Виноградова, включены статьи, подготовленные его друзьями и коллегами. Они посвящены актуальным проблемам и новейшим исследованиям в области античной археологии, истории и культуры. Многие материалы, полученные в результате изучения античных городов, поселений и погребальных памятников, впервые вводятся в научный оборот. В специальные разделы сборника вошли работы по нумизматике, эпиграфике и античной керамике. В выпуске представлена также статья, касающаяся истории отечественной археологической науки в сложный период сталинских репрессий. Среди авторов — ученые из России, Украины, Великобритании, Германии и Румынии.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) is devoted to the seventieth anniversary of the leading researcher of the Institute for the History of Material Culture RAS, Doctor of History Yury Alekseevich Vinogradov. It includes papers prepared by his friends and colleagues. They focus on the actual problems and newest researches in the field of ancient archaeology, history and culture. Many materials obtained as a result of studying of ancient towns, settlements and burials are published for the first time. Special sections of this compilation include papers on numismatics, epigraphy and classical pottery. This issue also contains a paper on history of Russian archaeological science at a difficult period of Stalin’s repressions. Papers were written by scientists from Russia, Ukraine, Great Britain, Germany and Romania.

На первой странице обложки — лекиф краснофигурный; Древняя Греция, вторая половина IV в. до н. э.; Крым, окрестности Керчи, некрополь Пантикапея; глина, рельеф, краснофигурная роспись, черный лак; высота: 37 см; инв. № П.1837-2 (фото В. С. Теребенина). © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020
First page of cover — red-figure lekythos; Ancient Greece, second half of the 4th century BC; Crimea, outskirts of Kerch, necropolis of Pantikapaion; clay, relief, red-figure technique, black glaze; height 37 cm; inv. no. 1837-2 (photo by V. S. Terebenin). © State Hermitage Museum, Saint-Petersburg, 2000

На последней странице обложки — лагерь археологов на поселении Артющенко I на Тамани (фото Ю. А. Виноградова)
Fourth page of cover — archaeological camp at the settlement Artyuschenko I on Taman Peninsula (photo by Yu. A. Vinogradov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ИСТОРИЯ НАУКИ

Пещера Лейхтвейса

А. А. Масленников¹

Аннотация. В статье рассказывается об истории исследования не совсем обычного объекта археологии — довольно протяженной и широкой щели в скале (пещере) вблизи Приазовского городища Полянка (III–I вв. до н. э.). Приводятся соответствующие данные геоморфологии и палеосейсмологии. Делаются некоторые выводы хронологического плана.

Annotation. The article considers a research history of an uncommon archaeology object – a relatively long and wide crack in a rock (a cave) near Polyanka site at the Crimea Azov region (the 3rd–1st centuries BC). Relevant geomorphological and paleoseismological data is provided. There are some conclusions on chronology.

Ключевые слова: Крымское Приазовье, античное городище Полянка, пещера, палеосейсмология, хронология, история исследования.

Keywords. Crimean Azov region, Polyanka site, cave, paleoseismology, chronology, research history.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-29-367-375

Кислое дело, — сказал он, — пещера
Лейхтвейса.

И. Ильф, Е. Петров. «Двенадцать стульев», гл. XI

Вряд ли кто из читателей этой статьи помнит о перипетиях заключительной части повествования Р. Л. Стивенсона об острове сокровищ. Да и то дело: изложение занятное, но... давно это читано. Однако... обо всем по порядку.

Много-много лет тому назад, а именно летом 1889 г., студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского императорского университета Я. И. Смирнов вместе с местным керченским коллекционером древностей А. В. Новиковым посетил северное побережье Керченского п-ова в поисках следов археологических памятников. Будучи филологом-классиком, он, естественно, интересовался

поселениями и некрополями, прежде всего античного времени. Этим же летом съездил он и на Кавказ. Со временем Я. И. Смирнов стал известным российским востоковедом и византинистом, к сожалению, очень рано умершим в годину гражданской междоусобицы. Кстати, ни до, ни долгое время после него в этой части Крымского Приазовья никто из историков или специалистов-археологов не бывал. А места эти были тогда еще малолюдные, хотя уже и «тронутые» местными «гробкопателями». Тем интереснее и важнее сделанные Я. И. Смирновым наблюдения и описания (НА ИИМК РАН. РО. Ф. I. 1889 г. Д. 44. Л. 31–34). Трудно сказать: передвигался ли он пешим ходом, на повозке или верхом. Судя по тексту, вся поездка заняла немного времени: два дня. Началась же она (первый день), видимо, от Золотого кургана и закончилась (на исходе второго дня) у деревни Чегене (нынешнее село Золотое). При этом, пожалуй, он первым обратил внимание на продолжение

¹ Отдел полевой археологии, Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, 19, г. Москва, 117036, Россия; e-mail: iscander48@mail.ru.

некоего вала и рва от указанного приметного пункта (Алтын-Оба) не только к северу, но и к югу, отметив, что это имеет место не непосредственно, а несколько «отступя к западу». Далее этот вал шел в сторону дер. Джаржавы и Юз-Обинского хребта. Иными словами, он увидел южную часть некоего (более раннего) земляного укрепления, линия которого проходила «параллельно» гораздо более известному благодаря знаменитому труду Ашика «Боспорское царство» (Ашик, 1848–1849) и относительно хорошо сохранившемуся валу и рву, позднее и незаслуженно получившему наименование Тиритакского вала.

А, собственно, почему мы об этом? А потому, что территория побережья, по которой во второй день прошел Яков Смирнов, просто-таки напичкана разными археологическими объектами, которых он, тем не менее, не увидел. Впрочем, это вполне естественно: поездка его была ознакомительная, а вовсе не рекогносцировочная. А «показчиком» выступал упомянутый Новиков, наверняка связанный с местными «счастливчиками», которых в первую очередь интересовали курганы и могильники. Пример тому — описание в данном «отчете» курганов и каменных ящиков на плато к северу от аула Мысыр, по-видимому, сделанное по свежим впечатлениям этой «экскурсии». Все эти объекты в разной степени сохранности присутствуют там и поныне. Тем примечательнее внимание автора (с подачи Новикова?) к следам поселения по соседству. А здесь на побережье выделяются две бухты: нынешняя живописная бухта Радости с остатками пансионата Военсовхоза и довольно густой растительностью и соседняя с запада так называемая Полянка с одноименным городищем. Какая из них в ту пору называлась Шалман — из текста Отчета не вполне ясно. Поначалу мы полагали, что первая. Но упомянутые в Отчете насыпь с ямами «у верхнего края котловины» бухты и, тем более, довольно большая курганообразная насыпь на крутом склоне «посреди котловины, на значительном расстоянии от моря...», по характеру находок и грунта явная

зольно-мусорная свалка (зольник), скорее, хотя и не буквально, соответствуют второй прибрежной долине. Насыпь на восточном ее склоне действительно имеется, а вот приметный холм — зольник — располагается сейчас у самого берегового обрыва (Яков Смирнов видел все это как бы «снизу» — купался он, что ли?). За сто с «гаком» лет береговая абразия вряд ли «съела» здесь десятки метров. Согласно наблюдениям геоморфолога А. А. Клюкина, она за прошедшее столетие составляла в этом районе в целом не более 0,2 мм (?) в год (Клюкин, 1998. С. 113–120). Далее Я. И. Смирнов упоминает уже вполне узнаваемое «небольшое пространство» и проход на вершине скалистого хребта, «отделяющим на востоке эту котловину от соседней...». Здесь хозяин имения Осман вырыл под скалой яму, судя по описанию грунта и находок, явно в культурном слое. Среди последних — обломки родосских и синопских амфор, в том числе с клеймами (рубеж III–II вв. до н. э. по определению А. В. Ковальчук) и фрагменты чернолаковых сосудов, в частности канфаров, орнаментированных в стиле «западного склона». Следы этой ямы отчетливо видны и по сей день. Обломки амфор были встречены путешественниками и с другой (восточной) стороны этого скалистого хребта, где их можно найти и в настоящее время. И вот, наконец, то, что нам надо. Автор Отчета пишет: «В восточном склоне этого хребта находится узкий вход в пещеру. На полу его также валяются амфорные черепки. До конца пещеры я не дошел». Все.

В период своего «первого пришествия» на Полянку (1984–1987 гг.) автор данной статьи не удосужился полюбопытствовать этим объектом. Лишь когда мы вернулись сюда в 2007 г., новый хозяин пансионата С. А. Кузь рассказал об этой пещере, где он уже успел побывать. Но у нас все как-то руки (точнее, ноги) не доходили. Только в 2012 г. она была осмотрена и даже отчасти раскопана. Недавно посещалась палеосейсмологами и не только. Вот ее «параметры».

Высота щели-входа (в верхней части восточного обрыва скалистого мыса в западной

Рис. 1. Западная оконечность так называемой бухты Радости. Вид с востока

Fig. 1. Western extremity of the so-called "Radost" bay. View from the east

части бухты Радости) от уровня моря — около 12 м (рис. 1–2). Размеры входа — не более 1,0 × 0,8 м. Далее, на протяжении почти 12 м в общем направлении северо-восток—юго-запад, следовала довольно узкая, но все более повышавшаяся и слегка расширявшаяся расщелина, в самой широкой (до 4 м) и достаточно высокой (до 4–6 м) части почти под прямым углом поворачивавшая к северо-западу. Этот ее «отрезок» имел длину до 17 м, высоту от 7 до 4 м и ширину от 4,0 до 0,8 м, то есть плавно сужался (рис. 3). Повсеместно, кроме «пола», — это скала.

Таким образом, в сущности это не пещера и не грот, а узкая, глубокая и протяженная щель в скальном массиве плотного мшанкового (рифового) известняка, вовсе не пригодная для сколь-либо долгого пребывания, не говоря уж о проживании (рис. 4–7).

Что же касается наших упомянутых раскопок, то ими был затронут только поверхностный слой грунта (однородный, серый, рыхлый, немного золистый), покрывавшего «пол» пещеры, да и то не весь. Иными слова-

ми, пройдено около «штыка». Ниже (серый и светло-серый, с включением мелкой известняковой крошки, умеренно влажный) находки уже не попадались, и «поиски палеолита» были отложены «до лучших времен». Какие же это находки?

Прежде всего, — несколько десятков амфорных обломков, включая профильные части (Синопа, Родос). Затем — немногочисленные и невыразительные осколки лепной и простой красноглиняной посуды (горшки, миски, кувшины). Наконец — отдельные фрагменты чернолаковой керамики, кости животных и измельченные раковины мидий и виноградных улиток. Встречены были и следы недавнего прошлого: железные гильзы, куски стекла. Из всего этого небогатого собрания отметим четыре ручки родосских амфор с клеймами 198–161 и 234–199 гг. до н. э. (определения Н. Ф. Федосеева). Странно, но эти клейма не вошли в свод полянских клейм, изданный исследователем в 2017 г. (Федосеев, 2017. С. 169–250). Упомянем также край красноглиняной буролаковой и стенку

Рис. 2. Общий вид (А) и схема (Б) мыса с расщелиной (пещерой) в западной части бухты Радости. Вид с востока

Fig. 2. General view (A) and scheme (Б) of the cape with a crack (a cave) at the western part of the Radost Bay. View from the east

Рис. 3. План-схема расщелины (съемка А. Михайлова)

Fig. 3. Layout of the crack (survey by A. Mikhailov)

Рис. 4. Внутренний вид расщелины в районе входа

Fig. 4. Inside view of the crack near its entrance

Рис. 5. Внутренний вид расщелины в районе «шурфа» (вверху (1) и на его дне (2))

Fig. 5. Inside view of the crack at the area of a “test pit” (at its top (1) and bottom (2))

Рис. 6. Профиль восточного борта «шурфа» (1, 2)

Fig. 6. Profile of the eastern side of the "test pit" (1, 2)

Рис. 7. Вид расщелины в районе поворота

Fig. 7. View of the crack near a turn

сероглиняной (с мелкими блестками), покрытой черным блестящим лаком «мегарских» чашек и край с ручкой красноглиняного чернолакового (густой, блестящий) канфара (канфаро-кубка?) эллинистического типа с росписью в стиле «западного склона». Последний датируется приблизительно (точнее не позволяют размеры обломка) второй половиной III в. до н. э. (*Rotroff*, 1997. Р. 264–268, Fig. 15–17, no. 206–258; впрочем, Т. В. Егорова относит этот тип сосудов, правда, неаттического происхождения, к первой половине следующего века: см.: *Егорова*, 2009. С. 150–152, № 550–557; 2018. С. 510–518). Иными словами, и грунт, и находки вполне соответствуют упомянутому (на восточном склоне долины) зольнику раннего (III–II вв. до н. э.) городища, основательно исследованному экспедицией на протяжении нескольких лет. Особняком как будто бы «стоит» сероглиняная «мегарка». Но и она, скорее всего, импортная, а не

местного (то есть более позднего) боспорского производства и, следовательно, не выпадает из хронологического контекста второй половины III — конца II в. до н. э. А вот дно сероглиняной «чернолощенной» чашки явно позднее (вторая половина I в. до н. э.? см.: *Масленников*, 2019. С. 134–143). Происхождение всех находок очевидно: затек грунта сверху, через щели в скале, главным образом (в настоящее время) в восточной части «пещеры».

На какое-то время данный объект выпал из поля нашего зрения, но, как уже упоминалось, года три назад к нему проявили интерес специалисты по палеосейсмологии из ИФЗ РАН. Облазив все на этом участке побережья в поисках следов древних землетрясений и обнаружив их во множестве (кто бы сомневался!) на раскопанных площадях поселения Полянка, они (2016 г.) обследовали и нашу «пещеру». Вывод такой: она — следствие периодических сейсморазрывов, последний из

которых имел место не позднее времени датировок находок в ней (*Масленников и др.*, 2017. С. 285–287). (Не надо быть специалистом в данной области, чтобы сказать тоже самое...) Поскольку соответствующих «зачисток» и специальных анализов палеосейсмологии не делали, о времени предшествовавших сейсмических явлений судить пока невозможно.

Так или иначе, но у нас еще оставались некоторые сомнения в полноте исследования «пещеры», которые — мы и предполагали рассеять работами 2019 г. Однако им не суждено было состояться ввиду имевших здесь место трагикомических событий межсезонья, заставивших вспомнить упомянутые страницы без сомнения самого увлекательного из романов Л. Стивенсона. Дело в том, что в этот период бухта с пансионатом посещается всякого рода «серыми» личностями из ближайших и не только околотов. Это и багеровско-керченские жиганы, и рыбаки-браконьеры, и бомжи, и Бог его вести кто еще из «любителей выпить и закусить». Некоторые из них оказались, говоря словами Я. Гашека о трактирщице Паливице, «весьма начитанными» и знакомыми с местными «достопримечательностями» и нашими изысканиями. Разбогатеть «здесь и сразу» — вечная мечта той части человечества, которой, по словам А. С. Пушкина: «труд упорный был тошен...». Со следами именно такой «эпопеи» я и столкнулся, спустившись в «пещеру» в начале июля. Нет, это не были жуткие скелеты «на сундуке мертвеца». Это было десятка полтора мешков, набитых землей из довольно большой и глубокой (более 1,1 м) ямы («шурфа»), вырытой в самом конце щели (рис. 3, 5–7). Работа была проделана немалая, а с учетом темноты, сырости и тесноты прямо-таки каторжная! Вскорости, удалось узнать подробности и имена «героев», называть которые не буду по причине, ну, скажем, жалости и снисхождения к ним, а также любви к классической приключенческой литературе.

То ли начитавшись Стивенсона или посмотрев соответствующий фильм, то ли желая

испробовать оказавшийся у них металлодетектор, то ли по наводке или наитию, но несколько местных искателей сокровищ, сговорившись, отправились на их поиски. Почему именно почти в конце «пещеры» (рис. 4) они начали рыть яму, доподлинно не знаю. Может, чисто интуитивно (все помещается, как известно, «в конце пути», «на дне чего-то», «в дальнем углу» и т. п.) или металлоискатель зазвенел... Но работы были организованы весьма грамотно и с размахом. Землю действительно удобнее всего было удалять через узкий вход мешками, высыпая ее в море с обрыва, а не ведрами. Мешки легче тащить согнувшись, а можно и с помощью веревки по доске, что я, собственно, и предполагал делать в случае раскопок. Однако их (мешки) почему-то складировали возле упомянутой ямы (уж не собирались ли просеивать землю?). По слухам «поисковикам» даже вначале «повезло», хотя и меньше, чем незадачливым пиратам у Стивенсона. Помните, те в яме из-под сокровищ Флинта подобрали одну золотую двойную гинею (см. «Остров Сокровищ», гл. 33). Они нашли маленькую медную сильно коррозированную монетку, скорее всего, III в. до н. э. Цена которой, как известно, на черном рынке Керчи не более плевка... Дойдя почти до дна своего «раскопа» и не откопав, если верить «легенде», более ничего (в неубранном «выкиде» рядом с ямой и в профилях ее стенок я не обнаружил ни одного черепка, разве что зафиксировал две-три тонкие прослойки так называемой тырсы — мелкой слежавшейся известняковой крошки (рис. 8), по всей видимости, особенно интенсивно ссыпавшейся со стен и свода «пещеры» вследствие «доисторических» землетрясений), «компаньоны» переругались, как водится, перепились (а что — в пещере ведь сквозняк и холодно), да и забросили свое «начинание». Слава Богу, без перестрелки, как у Стивенсона. Впрочем, может, мы всего и не знаем... В общем, «кислое дело — пещера Лейхтвейса», как говаривал «ветреный сын турецкоподданного». А «пещера» впредь лучше пусть именуется в честь Я. И. Смирнова.

- Ашик*, 1848–1849 — *Ашик А.* Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами / Соч. Антона Ашика, директора Керченского музея, состоящего в ведении Министерства иностранных дел и члена разных ученых обществ. В 3 ч. Одесса: Тип. Т. Неймана и К°. Ч. 1. 1848. 117 с.; Ч. 2. 1848. 88 с.; Ч. 3. 1849. 96 с.
- Егорова*, 2009 — *Егорова Т. В.* Чернотаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М: Изд-во МГУ, 2009. 254 с.
- Егорова*, 2018 — *Егорова Т. В.* Еще раз о S-видных эллинистических канфавах // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Вып. 2: Сб. ст., посвящ. 70-летию В. П. Копылова / Отв. ред. А. Н. Коваленко. Ростов н/Д: ИП Истратов И. Н., 2018. С. 510–519.
- Клюкин*, 1998 — *Клюкин А. А.* Абразия берегов Керченского полуострова в XX веке // География и природные ресурсы. Симферополь, 1998. № 1. С. 113–121.
- Масленников*, 2019 — *Масленников А. А.* Сероглиняная керамика с темнотаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму // РА. 2019. № 4. С. 134–143.
- Масленников и др.* 2017 — *Масленников А. А., Овсюченко А. М., Корженков А. С., Ларьков А. С., Мараханов А. В.* Следы сильных древних землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовский активный разлом // ДБ. М., 2017. Вып. 21. С. 265–294.
- Федосеев*, 2017 — *Федосеев Н. Ф.* Керамические клейма поселения «Полянка» в Восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 169–249.
- Rotroff*, 1997 — *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1997. Part 1: Text 1997 pp. i-xxxviii+1+575. Part 2: Illustrations 1997 pp. i-viii (The Athenian Agora. Vol. XXIX).

Leichtweis Cave

A. A. Maslennikov

About 150 years ago Ya. I. Smirnov who was a gymnasium student at that time, completed a study trip for a number of days during his summer holidays. He travelled to one of the regions of the Azov Coast of the Eastern Crimea. He managed to see around a few local necropolises and settlements of the Classical period. (A report of this research is kept at the archive of the Institute for the History of Material Culture in Saint-Petersburg). At “Shalman” plot of land (currently the “Radost” Bay) he found and explored a “cave” along other remains of the ancient settlement (Fig. 1, 2). There were some pieces of ceramics on the floor of the cave. Almost a century after that, the excavations of the Bosporean rural settlement “Polyanka” of the 3rd–1st centuries BC were started here. A few years ago this natural item of interest was examined again by the author and the group of paleoseismologists. It was quite a narrow although elongated crack in the rock (Fig. 3, 4). At the upper ground layer which filled its lower part (thickness of soil — about 1 m) some pottery fragments of the mentioned time were found. It probably had come here through the holes in the “ceiling” from the ash-hill of the settlement. Most recently the “cave” attracted attention of the local “treasure hunters”. They drilled a big deep hole at its back part (Fig. 5–8). Wishing or not the hole confirmed the factual absence of the cultural layers and, on hearsay, of any shadows of “treasures”. Nevertheless, this object is of a certain interest as a geological, seismological and topographical point at the immediate neighbourhood of this ancient settlement.